

fantasy discourse is presented as a component of the artistic mapping of the world.

The problem of adequate translation of proper names as a universal functional and semantic category is observed. Translation strategies from English into Russian are analyzed.

Key words: fantasy discourse, proper name, onym, toponym, anthroponym, adequate translation.

*Л.А. Штакина,
К.Э. Козлов
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'38=111

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В современных лингвистических исследованиях дискурс определяют как коммуникативно-прагматическую модель речевого поведения, которому характерна определённая социальная сфера. Эта модель дискурса имеет набор специфических переменных, таких как социальные нормы, отношения, роли, конвенции, показатели интерактивности.

В нашем понимании, политический дискурс является одним из приоритетных жанров реализации коммуникативно-прагматического замысла в рамках конкретного коммуникативного события. Как отмечает Е.В. Горбачева, это – «вербальное и невербальное информационно-коммуникативное взаимодействие политических субъектов по поводу политических идей, идеологий, принципов, оценок, мыслей, которое отображает менталитет политических субъектов и осуществляется с помощью социальных институтов для достижения политической цели, подчеркивая комплексную когнитивно-коммуникативную природу целенаправленного социального действия этого явления и способность отображать субъективную психологию его участников» [2, с. 14].

Являясь специфической разновидностью аргументативного дискурса, политический дискурс имеет набор системообразующих признаков, таких как цель общения, ориентированную на адресата, системообразующая интенция, которая противопоставляет его другим видам дискурса, участники общения (субъекты политического действия).

Особенности модели полисубъектности политического дискурса отмечает Е.И. Шейгал: «Отличием политического

дискурса от других видов институционального общения состоит, во-первых, в том, что «клиент» в политической коммуникации, как правило, массовый, во-вторых, разница проходит преимущественно по субъектно-адресатному вектору» [8, с. 43].

Результаты наших наблюдений свидетельствуют о том, что политическая речь имеет специфические характеристики организации дискурсивного пространства, а именно: политическую лексику и использование определённых неполитических языковых знаков в функции политических, эллиптических и безличных конструкций в грамматических моделях высказываний, наличие маркеров снижения коммуникативного шума.

Особенности политического дискурса на когнитивном уровне проявляются в использовании коммуникантами специфического тезауруса, особых критериев ценностных оценок и ориентаций, согласно которым образ мира воспринимается через «политическое сознание», структура которого во многом зависит от статусной роли коммуникантов. Например:

I am delighted to be here today – in advance of my visit to China and India later this week – to discuss with you: the priorities for Europe in the coming years; the potential for European countries to work together with a renewed common purpose to succeed in the decades ahead; and the reforms we need to put in place to ensure Europe remains a leader and a success story in the new global order. And I would like to thank ‘Business for a New Europe’, led by Roland Rudd for organizing this event [9].

На прагматическом уровне специфические мотивы и коммуникативные установки адресанта проявляются в структуре логического построения дискурса – результате определённых ораторских приёмов, аргументации, импликации, непрямым выражении интенций.

Отличия политической речи от других видов дискурса также проявляются в фундаментальных дискурсивных категориях, что частично обусловлено специфической автороцентричностью этого формата речевой деятельности.

Одной из основополагающих тексто-дискурсивных категорий, которая рассматривается многими лингвистами как конститутивный атрибут коммуникативной модели, является категория целостности. Как отмечает И.Р. Гальперин, целостность обеспечивается интеграцией всех структурно-содержательных и смысловых уровней и воспринимается адресатом как единство [1, с. 28].

С точки зрения Е.А. Селивановой, дискурсивная интегративность позволяет рассматривать целостность

как категорию, которая обеспечивается полисистемной макрознаковостью в замкнутой суперсистеме дискурса [6, с. 201]. Исходя из описания целостности В.А. Звягинцева – дискурс снизу детерминируется пресуппозициональным каркасом, а сверху – не названной ещё содержательной надстройкой, обе силы определяют нижнюю и верхнюю грани дискурса, обуславливая его цельнооформленность [3, с. 17].

В политической речи категория модальности проявляется в авторской оценке выражения отношения с позиций реальности-ирреальности (гипотетической), оценке ситуации с позиций ее возможности, необходимости либо желаемости, целевой установке оратора, утверждении / отрицании, которые отображают наличие / отсутствие объективных связей между предметами, явлениями, событиями, эмоциональной и качественной оценке содержания высказывания. Например :

... And when I go around the country I hear lots of people saying rightly so that the vast majority of young people who are well behaved feel that often there is nowhere for them to go in the evenings, there is not enough for them to do, and we have got to take that into account as well [9].

Все вышеуказанные признаки определяют категорию модальности в политической речи в двух её разновидностях: объективной и субъективной. Объективная модальность является обязательным признаком любого высказывания, она формирует предикативную единицу и выражает отношение утверждения к действительности в плане реальности / ирреальности. Эта функция объективной модальности является грамматической и представлена противопоставлением форм синтаксического изъявительного наклонения формам синтаксическим ирреального (условного, желаемого, предположительного) в пространственно-временном континууме политической речи. Например:

...but if we are to make the most of the opportunities of the new global economy [...] we will need to do more to ensure continued stability and to strengthen and deepen economic reform; ... we will seek to build consensus on: tightening up procedures for dealing with solvency and liquidity issues [...] The quicker this is done the quicker liquidity will return [9].

Субъективная модальность создаёт в высказывании другой модальный пласт и иногда называется вторичной модальностью. Её семантический объём значительно шире чем семантический объём объективной модальности. В категорию субъективной модальности вложено антропоцентрическое свойство языка, которое выявляется в сопоставлении концептуального замысла нейтрально-информационного фона. Смысловым признаком

субъективной модальности является оценка в широком значении слова (как рациональная, так и эмоциональная). Поскольку политическая речь является автороцентрическим форматом межличностной коммуникации, адресант которой – политическая фигура, чья мысль в обществе имеет определённый вес, – субъективная модальность играет особую роль. Её специфика состоит в том, что фактическая, объективная информация о каком-либо событии адресату уже известна, и в политической речи его интенции направлены на получение субъективной оценки этого события, заполнение модального вакуума адресатом. Например, вакуум оценки лидером подписания договора заполняется выступлением, целостное значение и оценка которого состоит в словах: *Mr Brown said that the completion of the Lisbon treaty means there is Nisan opportunity to move on to a dress the challenges that matter most to Europe's citizens: stability, growth, competitiveness and jobs [9].*

Категория модальности в политической речи тесно связана с категорией антропоцентричности. Это обусловлено тем, что «гносеологическим и коммуникативным центром дискурса является человек, его индивидуальное сознание» [6, с. 228]. В категории антропоцентричности можно выделить подкатегории адресантности и адресатности, которые находятся в сложном взаимодействии и имеют разные способы репрезентации. Категория адресантности основана на личности автора, которая трансформируется в дискурсе в автора-функцию. К примеру, З.Я. Тураева рассматривает эту функцию автора как локацию – «абстрактное отношение, которое возникает вокруг «я» – творца, как центрального ориентира, который подчиняет себе категории времени и пространства» [7, с. 82]. Таким образом, адресант в политическом дискурсе представлен двумя составляющими – реальным адресантом и адресантом-функцией, которая является вербальной репрезентацией мыслей реального адресанта в дискурсивном пространстве. В свою очередь, другим проявлением антропоцентричности дискурса является подкатегория адресатности, которая представлена реальным адресатом и адресатом-функцией. Адресата-функцию ещё называют идеальным адресатом, поскольку он является предсказуемым, интенционально созданным автором и вписанным в дискурс. Важность роли взаимодействия адресата-функции и реального адресата подчёркивает И.М. Колегаева: «в момент реализации коммуникативного акта гипотетическая модель адресата вступает во взаимодействие с сознанием конкретного реципиента, запланированная схема наполняется индивидуальным содержанием. Модель адресата превращается,

собственно, в фигуру адресата данного речевого акта [...] От степени совпадения актуализированной фигуры адресата с ее виртуальной моделью, встроенной в сообщение, в значительной степени зависит конечный коммуникативный эффект» [4, с. 19]. В политическом дискурсе вместе с адресатом-личностью существует массовый адресат, который также представлен адресатом-функцией и реальным адресатом.

Все компоненты дискурса находятся во взаимодействии и связаны с дискурсивным временем и пространством, поскольку дискурсивная категория континуума является важным компонентом политической речи. По мнению Е.А. Селивановой, специфика дискурсивной категории континуума состоит в разветвленной временной организации, которая обязательно соединяет в себе временное «сейчас» с ретроспективными и проспективными временными формами [6, с. 223]. Ретроспекция и проспекция являются важными для политического дискурса, участники которого стремятся к влиянию на собеседника с помощью аргументации, оперируя фактами прошлого и результатом причинно-следственных отношений. Исходя из этого, можно рассматривать два аспекта координации речевой деятельности, а именно: средство выражения темпоральности относительно ситуации общения и средство выражения позиции адресанта. Соотнесенность содержания дискурса с конкретным реальным и абстрактным временем реализуется с помощью различных временных конструкций и темпоральных указаний, ядром функционально-семантической парадигмы которых являются личные формы глагола.

Анализ коммуникативных моделей политического дискурса, продуцированного современными политиками Великобритании, дает основания утверждать, что временные конструкции *Present Indefinite* и *Present Continuous* являются наиболее частотными в начале политического выступления, что обусловлено важностью объяснения адресантом причин его обращения к аудитории и объявлением ряда вопросов, которые будут им освещены в ходе изложения политической концепции. Временная характеристика «настоящее время как способ выражения позиции адресанта», как правило, представлена в начале политической речи. Например:

... *I am delighted to be here today – in advance of my visit to China and India. History tells us that fragile and conflict states need not only humanitarian aid and peacekeeping, they need to combine that with help for stabilization and reconstruction. And for countries where breakdowns occur, it is now right to agree major changes in the way the international order responds, so that we can systematically combine*

humanitarian aid and peacekeeping with help for reconstruction and development... You are all here because you know – as I do – that the European Union is key to the success of business in the UK.

And as we face increasing global economic uncertainty, this is as true today as ever [9].

Как отмечает И.В. Ружицкий, «решающую относительно взаимопонимания роль играют пресуппозиции адресанта и адресата и рефлексия, то есть соотнесение постоянной модели познания с вариациями этой модели в смысле ретроспективной информации» [5, с. 13]. Именно для углубления понимания ситуации адресатом дальнейшее развёртывание дискурсивной модели определяется большой коммуникативной нагрузкой временных конструкций, которые создают определенный пространственно-временной пласт аргументативного континуума. Подготовка адресантом общей идейной «почвы» с целью доминирования своей точки зрения в политической речи тяготеет к смещению в другие временные плоскости, что отражено фазами проспекции и ретроспекции временных моделей.

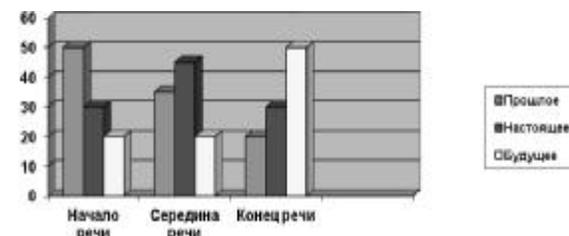

Рис. 1 Соотношение временных пластов политической речи

Адресант актуализирует свою речь и аргументирует свои мысли, опираясь на уже известные факты и реалии, то есть подводит (средство выражения темпоральности относительно ситуации общения) под дату или тему речи исторический контекст – наблюдается доминирование ретроспективных временных моделей – *Past Indefinite*, *Past Continuous* и *Past Perfect* (рис. 1). Интенции адресанта на этом этапе направлены на идентификацию проблемной идеи выступления как проблемной идеи адресата, причем общие пресуппозиции, вызванные обращением в совместное прошлое, разрушают барьер между адресантом и адресатом, что значительно облегчает управляемость сознания аудитории – именно на этом этапе мысль личности делает первый шаг на пути превращения в мнение коллективного сознания. Например:

a) *I know this weekend in Musa Qala, some of you here, many of you who are not here who are up there, have been doing a very important job in clearing the Taliban from that area.*

b) *I just think of what it was like when I was growing up and the influences on me and what my parents had to do. And when you think about it, when we were growing up, then the real influences on us were our parents, teachers, maybe churches and faith organizations, friends, neighbours [9].*

Дальнейшее развёртывание модели политической речи направляется в перспекцию. На этом этапе темпоральность, как средство выражения позиции адресанта с помощью проспективных временных конструкций, имеет большой прагматический потенциал, который проявляется в значительном росте её персуазивности при условии установления идейного контакта между коммуникантами и доминировании мысли адресанта над мыслью адресата. При условии идентификации проблемы речи как проблемы аудитории, путь решения проблемного вопроса, представленного адресантом, воспринимается адресатом как почти единый верный путь; коллективное мнение попадает под влияние мысли адресанта. Сила воздействия временных конструкций на этом этапе также повышается благодаря приобретению ими деонтической (необходимость) и эпистемической (знание, достоверность) модальных характеристик, например:

...I can tell the House that Britain will be at the forefront of diplomatic action on nuclear weapons control and reduction, offering a new bargain to non-nuclear powers.

...On the one hand we will help them and we have proposed the creation of a new international system to help non-nuclear states acquire the new sources of energy they need [...].

...But in return we will seek agreement on tougher controls aimed at reducing weapons and preventing proliferation [9].

Таким образом, категория темпоральности политического дискурса проявляет специфическую прагматическую функцию, которая обуславливает экспликацию временной семантики процесса аргументации. При этом в политической речи аргументативное изложение замысла адресанта больше базируется на временных моделях прошлого и будущего времени. При условии удачного оперирования проспективными и ретроспективными планами действительности, адресант привлекает внимание адресата путем акцентирования общих пресуппозиций, устанавливает доминирование своего мнения и таким образом достигает желаемого перлокутивного эффекта.

Вышеизложенные категориальные особенности политической речи как автороцентрического формата межличностной коммуникации прогнозируют перспективу антропологического исследования в этом направлении с целью выявления гендерного стереотипа актуализации специфических стратегий и тактик пространственно-временного континуума политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 185 с.
2. Горбачёва Е. В. Информационное пространство современного общества // Массовая коммуникация в структуре социальной информатиологии. – М., 2005. – 215 с.
3. Звегинцев В. А. О цельноформленности единиц текста / В. А. Звегинцев // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. – М., 1980. – Т. 39. – №1. – С. 12-20.
4. Колегаева И. М. Текст как единица научной и художественной коммуникации / И. М. Колегаева. – Одесса, 2001. – 185 с.
5. Ружицкий И. В. Язык, сознание, коммуникация / И. В. Ружицкий. – М.: МАКС Пресс, 2001. – 193 с.
6. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. – К.: Фитосоцицентр, 2002. – 336 с.
7. Тураева З. Я. Лингвистика текста / З. Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 202 с.
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2000. – 174 с.
9. http://old.e-xecutive.ru/print/without/article_5201/

АННОТАЦИЯ

Штакина Л.А., Козлов К.Э. Категориальные особенности вербализации политического дискурса

В статье рассматриваются особенности актуализации коммуникативной стратегии политической речи как модели автороцентрического дискурса. Исследование механизма вербализации замысла адресанта проводится с учётом пространственно-временных характеристик, отражающих антропологические параметры дискурсивной интегративности. Установлена контекстуальная специфика реализации коммуникативного замысла с учётом перспективы и ретроспекции процесса аргументации.

Ключевые слова: дискурс, адресант, перспекция, ретроспекция, категория, вербализация.

SUMMARY

Shtakina L.A., Kozlov K.E. Categorical peculiarities of the political discourse verbalization

The article highlights specifics of 'political speech' as the addresser-centered discourse sample. The focus of this research is aimed at revealing peculiarities of the addresser's intention and its verbalization within the framework of the discourse continuum. The analysis proves evident the role of anthropolinguistic parameters of the political discourse integrity. Prospective and retrospective temporality models expose the contextual realization of the discourse argumentative content.

Key words: discourse, addresser, prospection, retrospection, category, verbalization.

*А.М. Авксентьева
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 004.423.46(045)

**ТИПОЛОГИЯ ЛИДОВ В МАСС-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ:
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ВЕРСИИ ГАЗЕТЫ
«THE GUARDIAN»)**

Вследствие развития современных телекоммуникационных технологий, расширения роли средств массовой информации и огромного влияния виртуального информационного пространства возник новый вид дискурса, который называют медиадискурс, масс-медийный дискурс или дискурс СМИ. В последние годы данное понятие прочно вошло в обиход гуманитарных наук. И это вполне закономерно: в рамках концепции дискурса активно распространяется дискурсивный анализ отдельных текстов. Понятие масс-медийного дискурса находится в центре внимания как западных ученых (Т. ван Дейк, Дж. Оруэлл), так и отечественных лингвистов (В. Г. Костомаров, Ю. В. Рождественский, Н. И. Клушина, А. Н. Васильева, Е. О. Менджеричка). В настоящее время интерес к дискурсивному аспекту вызван появлением новой области исследования – медиалингвистики (см. работы Г. Я. Солганика, Т. Г. Добросклонской, Н. Б. Кирилловой, А. В. Федорова и др.).

Термин «дискурс» до сих пор не получил четкого и однозначного определения и имеет много трактовок. Как следствие, понятие «медиадискурса» также по-разному толкуется.

По мнению Т. Г. Добросклонской, медиадискурс является «сообщением в совокупности со всеми прочими компонентами коммуникации (отправитель, получатель сообщения, канал, обратная связь, ситуация общения или контекст)» [1, с. 22]. В нашей работе мы придерживаемся точки зрения Н. И. Клушиной, которая считает, что масс-медийный дискурс – это «когнитивно-прагматическая среда, реализующая свою сущность посредством производства и трансляции на широкую аудиторию оценочных смыслов и идеологием, а также посредством именовании и метафорической интерпретации фактов социального бытия» [4, с. 60].

Цель масс-медийного дискурса – воздействовать на общественное сознание и формировать актуальное общественное мнение относительно тех или иных фактов социальной жизни человека. Единицей медиадискурса выступает медиатекст, который позволяет упорядочить и структурировать движение медиапотока в условиях информационного общества. Одним из важнейших свойств медиатекстов является их «нелинейность», иначе говоря, наличие сложной многоуровневой структуры, при которой текст за счёт выстраивания межтекстовых связей в интернет-пространстве развивается одновременно в нескольких измерениях: вербальном, медийном и гипертекстуальном. Ощущение «объёмности» медиатекста усиливается благодаря особенностям его развёртывания на каждом из уровней, что дополняется различными возможностями сочетания вербальных и медийных компонентов и придаёт медиатексту ещё более сложный характер. Следует отметить, что понятие «медиатекст» выступает как обобщающее для всех текстов массовой коммуникации и включает следующие разновидности: журналистские, рекламные, PR-тексты [3, с. 325].

Журналистские тексты направлены на оперативное периодическое распространение актуальных информационных сообщений через традиционные каналы СМИ (печать, радио, Интернет, телевидение). На сегодняшний день благодаря распространению интернет-коммуникации можно отметить растущее количество электронных информационно-новостных источников, которые привлекают читателей своей способностью к быстрому обновлению информации, возможностью экономить время при ее поиске, предоставлением постоянного доступа.

Считается, что для привлечения внимания к определенному информационному сообщению, необходимо использовать правильно подобранный заголовок. Именно на него читатели обращают внимание в первую очередь и не видят полных текстов до тех пор, пока не пройдут по соответствующей